

Госзакупки в условиях турбулентности: какие промышленные предприятия получали госзаказы в 2019–2022 гг.?¹

Ю.Д. Родионова, А.А. Яковлев, О.Н. Балаева

УДК 338

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-2-128-140

Аннотация. В статье анализируется, как изменилось участие предприятий в поставках по государственным заказам по 44-ФЗ и 223-ФЗ в условиях шоков 2019–2022 гг. Согласно результатам опроса руководителей российских предприятий, проведенного ИАПР НИУ ВШЭ, в 2019–2022 гг. в обрабатывающей промышленности госзаказы имели около 30% средних и крупных фирм, в 2019–2021 гг. – 26–27% малых фирм, в 2022 г. – 24% малых фирм. Проведенный эмпирический анализ показал, что сложившиеся каналы связей между государством и бизнесом сохранили свое влияние на доступ фирм к госконтрактам, за исключением фактора получения финансовой или организационной поддержки от государства. Для малых предприятий основными из этих каналов стали бизнес-ассоциации, для средних и крупных – участие государства в собственности и близость к Москве.

Ключевые слова: государственные закупки; обрабатывающая промышленность; международные санкции; малый бизнес

В любой экономике государство предъявляет спрос на необходимые ему товары, работы и услуги, и этот спрос важен для предприятий реального сектора. Однако многочисленные экономические потрясения последних лет (включая глобальные кризисы 2008–2009 и 2020 гг., кризис 2014–2015 гг., вызванный первой волной антироссийских санкций, и кризис 2022 г. с введением масштабных санкций и ограничительных мер иностранных государств) не могли не отразиться на рынке государственных закупок и его основных участниках. В текущих условиях и госзаказчикам, и поставщикам необходимо быть в курсе не только изменений в законодательстве о госзакупках, но и свежих антикризисных мер, которые вводят уполномоченные органы власти, анализировать многократно возросшие риски, особенно в части закупок импортного товара, оперативно искать альтернативные способы логистики, закладывать в издержки больший процент на непредвиденные расходы и т.д.

Однако последние статистические данные говорят о том, что, несмотря на перечисленные сложности, размер рынка госзакупок и активность его участников

---

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Адаптация предприятий обрабатывающей промышленности к последствиям ужесточения экономических санкций и формированию новой бизнес-среды», поддержанного Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Госзакупки в условиях турбулентности:
какие промышленные предприятия получали госзаказы в 2019–2022 гг.?

увеличились. Так, например, согласно отчету Минфина о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых в соответствии с законом «О контрактной системе» (далее – 44-ФЗ), в 2022 г. российские госзаказчики заключили контракты на общую сумму 11,1 трлн руб., что на 18% больше аналогичного показателя 2021 г., а в 2023 г. общая сумма увеличилась до 12,0 трлн руб.

Минфин отмечает и увеличение количества участников закупок, в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Так, в 2022 г. по сравнению с 2021 г. на 16% увеличилось количество участников закупок, включенных в единый реестр участников закупок, и на 11% – количество участников, отнесенных к субъектам МСП. В 2023 г. тенденция сохранилась: по сравнению с 2022 г. число участников закупок, включенных в единый реестр, увеличилось на 14%, а участников, отнесенных к субъектам МСП, на 11%.

В данной работе по результатам обследования предприятий обрабатывающей промышленности, которое было проведено ИАПР НИУ ВШЭ осенью 2022 г., мы проанализировали, как изменилось участие промышленных предприятий в поставках по государственным заказам по 44-ФЗ и 223-ФЗ (Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц») в 2019–2022 гг. – в период пандемии COVID-19 и ужесточения внешней среды для российской экономики на фоне международных санкций.

Как показал наш анализ, в условиях возросших внешних шоков госзакупки для предприятий обрабатывающей промышленности становятся более значимым рынком, на который они переключаются, сталкиваясь с ограничением спроса со стороны своих потребителей в частном секторе. При этом на получение госконтрактов предприятиями может влиять целый ряд факторов, среди которых, например, связи с государством (личные связи с чиновниками, участие государства в собственности, отчисления в фонды политических партий); членство в бизнес-ассоциациях; размер предприятия; его месторасположение и др. В данной работе мы не только исследуем, какие категории предприятий получали госзаказы в период ужесточения внешних условий для российской экономики, но и выявляем факторы, которые влияли на получение госконтрактов. Особый акцент сделан на изучении фактора связей предприятия с государством.

Факторы, влияющие на получение госконтрактов: формулирование гипотез

Многие исследования показывают, что фирмы, обладающие связями с государством, имеют более высокий доступ к государственным контрактам во всем мире [Titl and Geys, 2019; Baltrunaite, 2020; Gnip, 2022 и др.], в том числе и в России [Mironov, Zhuravskaya, 2016; Szakonyi, 2018]. По данным исследования [Yakovlev, Ivanov, 2021] было установлено, что 29% фирм в России считают личные связи с региональными и муниципальными чиновниками важным фактором развития своего бизнеса. При этом фирмы, имеющие связи с государством, характеризуются более высоким уровнем инвестиционной активности и продуктивного применения

ренты, полученной за счет использования этих связей. Однако, несмотря на то, что такие связи могут приносить выгоду конкретным компаниям, они в то же время могут приводить и к серьезным негативным социальным и экономическим последствиям в результате несправедливого распределения контрактов, завышения их цены или некачественного исполнения (см., например, [Cingano, Pinotti, 2013]).

В данной работе в качестве основных индикаторов связей с государством мы будем использовать информацию об участии государства в собственности компаний, их членстве в бизнес-ассоциациях, помощи фирм органам региональной власти и местного самоуправления в социальном развитии региона и поддержке со стороны федеральных, региональных и местных органов власти.

В то время, как участие в собственности является вполне традиционным показателем связей с государством (см., например, [Fu et al., 2017]), остальные индикаторы представляют собой специфические для российской практики каналы взаимодействия бизнеса с государством [Яковлев, Говорун, 2011; Duvanova, 2013; Solanko, 2006; Juurikkala, Lazareva, 2006]. И, по нашему мнению, их влияние в период внешних потрясений должно сохраниться.

Н1.1: Сложившиеся каналы связей между государством и бизнесом сохраняют свое влияние на доступ фирм к госконтрактам.

При этом мы предполагаем, что влияние этих индикаторов должно различаться в зависимости от размера фирмы, так как предыдущие исследования показали, что в России крупные и малые предприятия используют разные механизмы взаимодействия с государством. Так, например, применительно к крупному бизнесу в России ряд эмпирических исследований [Slinko et al., 2005 и др.] подтвердил наличие сформулированной Дж. Стиглером модели «захвата государства», тогда как малые фирмы скорее страдали от так называемой грабящей руки государства [Frye and Shleifer, 1997], поскольку у них не было ресурсов для участия в моделях «захвата» и «обмена» связей бизнеса и государства, характерных для взаимодействия на более высоких уровнях политико-экономической иерархии.

Н1.2: В российской промышленности предприятия разного размера будут использовать различные каналы взаимодействия с государством.

В России одним из основных каналов взаимодействия между государством и бизнесом выступают бизнес-ассоциации, через которые компании могут лоббировать свои интересы [Duvanova, 2013; Яковлев, Говорун, 2011]. Из множества действующих в России бизнес-ассоциаций выделяется небольшое число лидеров, которые на регулярной основе взаимодействуют с государственными структурами. Это, прежде всего, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), «Деловая Россия», «ОПОРА России» и Торгово-промышленная палата.

Как показало эмпирическое исследование [Яковлев, Говорун, 2011], в России бизнес-ассоциации (особенно отраслевые и «головные», объединяющие предприятия из разных отраслей и регионов), как правило, имеют в своем составе наиболее активные, развивающиеся компании и выступают коллективным представителем их интересов.

Госзакупки в условиях турбулентности:
какие промышленные предприятия получали госзаказы в 2019–2022 гг.?

Во время кризиса 2020 г., связанного с пандемией COVID-19, у крупных предприятий, в отличие от малого бизнеса, появилось больше возможностей для прямого контакта с государством (например, были созданы чаты топ-20 предпринимателей из списка Forbes в WhatsApp и др.). При прочих равных условиях прохождение через пандемию COVID-19 оказалось менее тяжелым для тех отраслей, в которых был налажен активный диалог власти и бизнеса, и руководители крупных предприятий принимали прямое участие в обсуждении антикризисных мер [Ответ российского бизнеса, 2021]. Таким образом, можно заключить, что государство стало более открытым к другим каналам диалога с крупным бизнесом для выработки антикризисных мер и спасения не только конкретных компаний, но и целых отраслей. В свою очередь для малых предприятий значимость канала бизнес-ассоциаций, за неимением других альтернатив, должна была возрасти. Такой подход позволил нам сформулировать следующую гипотезу исследования.

H2: После пандемии COVID-19 для малых предприятий – членов бизнес-ассоциаций расширились возможности доступа к госконтрактам.

Данные и методология исследования

В работе используются данные обследования «Российские предприятия в цепочках создания стоимости», которое было проведено ИАПР НИУ ВШЭ в 2022 г. Его целью было выявление новых (возникших после 2018 г.) тенденций в развитии и поведении промышленных предприятий в условиях сохранения и усиления санкционного режима, последствий форс-мажорных обстоятельств пандемии COVID-19. Обследование проводилось в формате интервью с руководителями предприятий обрабатывающей промышленности (N=1860). В выборку вошли фирмы с численностью занятых более 10 человек из разных отраслей промышленности в более чем 70 регионах России (таблица 1), обеспечена ее репрезентативность по отраслям и размерным группам².

Таблица 1. Участие в опросе малых, средних и крупных предприятий

Предприятия	Количество	Доля, %	Доля, % (взв.)
Малые (до 100 сотрудников)	1065	57,2	83,9
Средние (100–250 сотрудников)	459	24,7	9,6
Крупные (более 250 сотрудников)	336	18,1	6,5
Всего	1860	100,0	100,0

Источник. Составлено авторами на основе данных опроса.

В рамках опроса мы спрашивали респондентов о ключевых параметрах деятельности их предприятий, в том числе и об участии в поставках

² Более подробно об обследовании и принципах формирования выборки на сайте проекта (URL: <https://iims.hse.ru/rfge/meth>).

по государственным заказам по 44-ФЗ и 223-ФЗ в 2019–2022 гг. На основании полученных ответов мы смогли сравнить данные об участии в поставках по государственным заказам за 2019–2022 гг., а также выявить факторы, которые влияли на получение промышленными предприятиями госконтрактов в анализируемый временной период.

Для проверки выдвинутых гипотез в качестве зависимой переменной в моделях был использован факт получения предприятием государственных заказов в 2019–2022 гг. Бинарная зависимая переменная принимала значение «1» в случае, если промышленное предприятие осуществляло в 2019–2022 гг. поставки по госзаказам по 44-ФЗ и 223-ФЗ, «0» – в противоположном случае.

Поскольку во всех моделях переменная была биномиальной, мы оценивали probit-модели с использованием метода максимального правдоподобия. Чтобы решить проблему гетероскедастичности ошибок, были использованы оценки Уайта (как более робастные, но состоятельные). Наши модели имели следующую форму:

$$P(\text{Procurement\_contract}_i = 1) = \Phi(x'_i \beta),$$

$$x'_i \beta = \beta_0 + \beta_1 \cdot [\text{State} - \text{Business\_connections}]_i + \gamma X_i + \varepsilon_i,$$

$$[\text{State} - \text{Business\_connections}]_i = \text{Ownership\_structure}_i +$$

$$+ \text{Business\_association}_i + \text{Assistance\_to\_government}_i + \text{Government\_support}_i,$$

где i – порядковый номер наблюдения. В качестве независимых переменных в моделях выступали набор переменных, характеризующих наличие связей с государством $[\text{State} - \text{Business\_connections}]$, такие как структура собственности ($\text{Ownership\_structure}$), членство в бизнес-ассоциациях ($\text{Business\_association}$), помощь региональным и/или местным властям в социальном развитии региона ($\text{Assistance\_to\_government}$), государственная финансовая или организационная поддержка ($\text{Government\_support}$).

В качестве контрольных переменных мы использовали отрасль, размер предприятия (логарифм средней численности работников), период основания предприятия (1998 г. и ранее, 1999–2008 гг., 2009–2014 гг., 2015 г. и позднее), административный статус населенного пункта, принадлежность предприятия к бизнес-группе (автономный статус), наличие импортного сырья, материалов, деталей, узлов, компонентов/полуфабрикатов или услуг для производства закупаемых через торговые фирмы/посредников в России или напрямую за рубежом, а также пол, возраст и должность респондента. Во всех спецификациях основное внимание было уделено оценкам коэффициентов β .

Во всех представленных далее расчетах использованы взвешенные данные (см. табл. 1). При этом как в описательных таблицах, так и в эконометрических расчетах были оценены отдельные модели для малых фирм и средних/крупных предприятий, так как российское правительство в рамках системы госзакупок проводит политику предоставления специальных преференций для малого бизнеса (при этом 44-ФЗ использует термин «субъекты малого предпринимательства»)

Госзакупки в условиях турбулентности:
какие промышленные предприятия получали госзаказы в 2019–2022 гг.?

или СМП (см. ст. 30 44-ФЗ)). В частности, 44-ФЗ устанавливает квоту в годовом объеме закупок для размещения у СМП и определяет проведение специальных процедур закупки, участниками которой могут выступать только субъекты СМП.

Анализ проводился в два этапа: на первом рассматривались группы предприятий, которые получали или не получали госконтракты, на втором мы модифицировали зависимую бинарную переменную, выделив группу предприятий, для которых поставки по госконтрактам составляли свыше 5% выручки компании, то есть рассматривали тех, кто более зависим от системы государственных закупок.

Основные результаты

Кто получал государственные заказы в промышленности в 2019–2022 гг.?

Проведенный анализ показал, что в 2019–2022 гг. в обрабатывающей промышленности госзаказы получили около 30% средних и крупных фирм (с численностью 100 и более сотрудников), принявших участие в опросе. Доля малых фирм (до 100 сотрудников), получавших государственные заказы, варьировалась от 26–27% в 2019–2021 гг. до 24% в 2022 г. (табл. 2).

Таблица 2. Доля малых, средних и крупных фирм, получавших госзаказы в 2019–2022 гг.

Размер предприятия	2019	2020	2021	2022
Малые	26,2 (17,4)	26,6 (17,3)	25,7 (17,9)	24,0 (17,0)
Средние и крупные	31,1 (17,9)	31,0 (17,9)	30,8 (19,9)	30,4 (18,9)
Всего	27,0 (17,5)	27,3 (17,4)	26,5 (18,2)	25,0 (17,3)

Примечание. В скобках дана доля фирм, у которых поставки по госзаказам составляли до 5% выручки.

Источник. Составлено авторами на основе данных опроса.

В отраслевом разрезе чаще получали госзаказы предприятия электро- и электронного машиностроения (производство компьютеров, электронных и оптических изделий, электрического оборудования) и транспортного машиностроения (производство автотранспортных средств прицепов и полуприцепов, прочих транспортных средств и оборудования), реже других – предприятия деревообрабатывающей отрасли (обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, соломки и материалов для плетения, бумаги и бумажных изделий, мебели). Так, например, в 2019 г. госконтракты получали больше половины средних и крупных предприятий электро- и электронного машиностроения и только 16% предприятий деревообрабатывающей отрасли.

Какие факторы повышали вероятность получения госзаказов для предприятий?

При анализе факторов, влияющих на получение госконтрактов промышленных предприятиями, основной акцент был сделан на наличии связи с государством (факторы членства в бизнес-ассоциациях, участия государства

в собственности, помощи органам местного и регионального самоуправления в социальном развитии региона и поддержки со стороны федеральных, региональных и местных органов власти). Кроме того, было рассмотрено влияние факторов наличия у предприятий иностранных собственников и местоположения предприятий-респондентов (административного статуса населенных пунктов) (табл. 3).

Таблица 3. Результаты анализа факторов, влияющих на получение госзаказов предприятиями в 2019–2022 гг.

Переменные	Малые предприятия				Средние и крупные предприятия			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Наличие государственной собственности	0,31**	0,39***	0,17	0,15	0,23**	0,23**	0,21**	0,23**
Наличие иностранной собственности	-0,21	-0,26	-0,21	-0,19	-0,28***	-0,34***	-0,36***	-0,40***
Членство в бизнес-ассоциациях	0,13***	0,14***	0,13***	0,14***	-0,01	0,00	-0,02	-0,01
Оказание помощи властям	0,14***	0,08***	0,10***	0,09***	0,13***	0,10***	0,11***	0,11***
Финансовая поддержка	-0,04	0,05	0,05	-0,01	0,02	0,04	0,01	0,06
Организационная поддержка	-0,03	-0,02	0,01	0,02	0,10**	0,10***	0,06	0,06
Наличие импорта	0,07**	0,06**	0,06*	0,08***	-0,01	-0,03	-0,02	-0,01
Тип населенного пункта								
1) Москва	0,062	0,024	0,05	0,08	0,30***	0,26***	0,30***	0,34***
2) Областной/краевой центр	0,08***	0,07**	0,08***	0,07**	0,18***	0,19***	0,20***	0,22***
3) Другое	Выделенная категория							
Остальные контроли	Отрасль промышленности, размер (логарифм средней численности работников), период создания предприятия, принадлежность предприятия к бизнес-группе, пол, возраст и должность респондента							
Количество наблюдений	1,065	1,065	1,065	1,065	795	795	795	795

Примечание к табл. 3,4. В таблице представлены предельные эффекты. Коды значимости: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,10$.

Членство в бизнес-ассоциациях. Согласно нашим расчетам, с точки зрения получения госзаказа в 2019–2022 гг. этот фактор был наиболее значим для малых предприятий. Так, по данным опроса, членство в бизнес-ассоциациях повышало вероятность получения государственных заказов малыми фирмами примерно на 12–14%. В отличие от них, средним и крупным фирмам данный фактор не представлял дополнительных преимуществ в получении госзаказов (все коэффициенты при соответствующих переменных оказались незначимыми). Таким образом, мы подтвердили вторую гипотезу исследования.

Госзакупки в условиях турбулентности:
какие промышленные предприятия получали госзаказы в 2019–2022 гг.?

Участие государства в собственности. Данный фактор оказался более значим для средних и крупных предприятий – те из них, которые имеют среди собственников государство, чаще получали государственные заказы, чем аналогичные по размеру частные предприятия, причем, в течение всего исследуемого периода. Для малых предприятий картина немного другая – фактор государственного участия «помогал» им только в 2019–2020 гг., а в 2021–2022 гг. перестал быть значимым.

Помощь органам региональной власти и местного самоуправления в социальном развитии региона. Как малые, так и средние и крупные предприятия, оказывающие помощь региональным и местным властям в социальном развитии региона, в анализируемом периоде чаще получали государственные контракты. Соответственно, мы можем говорить о сохранении «модели обменов» между властью и бизнесом [Solanko, 2006; Juurikkala, Lazareva, 2006], впервые описанной в российском контексте Т. Фраем [Frye, 2002].

Однако получение фирмами прямой финансовой или организационной поддержки не давало дополнительных преимуществ в доступе к госконтрактам (значимый эффект можно было наблюдать только для средних и крупных фирм в 2019–2020 гг., и лишь относительно организационной помощи).

Наличие иностранной собственности. Данный фактор оказался значимым и негативно коррелирующим с получением госзаказов только для средних и крупных предприятий. Для малых предприятий коэффициенты также оказались отрицательными, но незначимыми во всех спецификациях.

Местоположение – административный статус населенных пунктов. Полученные результаты показали, что для всех предприятий вне зависимости от размера нахождение в областном/региональном центре повышает шансы получить государственный заказ. Однако только средние и крупные предприятия, находящиеся в Москве, получали преимущества в доступе к госконтрактам. Для малых предприятий нахождение в столице не давало такого рода дополнительных преимуществ. С одной стороны, большинство заказчиков как раз и находятся в региональных/областных центрах, в том числе в Москве. В то же время результаты анализа свидетельствуют, что в столице доступ все-таки проще получить средним и крупным предприятиям, а не малым.

Таким образом, частично подтверждается и первая гипотеза исследования: сложившиеся каналы связи между государством и бизнесом сохранили свое влияние на доступ фирм к госконтрактам, за исключением фактора получения поддержки от государства. При этом в российской промышленности фирмы разного размера использовали различные каналы взаимодействия с государством. Так, для малых предприятий ключевым каналом стало членство в бизнес-ассоциациях, для средних и крупных – участие государства в собственности и близость к столице.

Дополнительно, на следующем этапе исследования мы модифицировали зависимую бинарную переменную, выделив группу фирм, для которых поставки по госконтрактам превышали 5% выручки, иными словами, более зависимых от системы госзакупок. Доля таких предприятий среди малых фирм была практически

неизменна на протяжении всего анализируемого периода и составляла около 17%. В средних и крупных такого постоянства не наблюдалось: 18% в 2019–2020 гг., 20% в 2021 г. и 19% в 2022 г. (табл. 2).

Новая зависимая переменная принимала значение «1» в случае, если на госзакупки приходилось более 5% выручки компании, и «0» – в противоположном случае. Все остальные независимые и контрольные переменные и спецификации остались прежними. В данной модели более всего изменилась значимость факторов для малых предприятий. Влияние государственного участия увеличилось (для всего периода), тогда как фактор помощи региональным и местным властям в социальном развитии региона в 2020–2022 гг. стал менее значим (табл. 4).

Таблица 4. Результаты анализа факторов, влияющих на получение госзаказов (в объемах более 5% выручки от реализации) предприятиями в 2019–2022 гг.

Переменные	Малые предприятия				Средние и крупные предприятия			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Наличие государственной собственности	0,25**	0,33***	0,25**	0,25**	0,12*	0,13**	0,13*	0,18***
Наличие иностранной собственности	-0,08	-0,08	-0,08	-0,06	-0,19**	-0,22***	-0,27***	-0,36***
Членство в бизнес- ассоциациях	0,11***	0,10***	0,10***	0,10***	-0,03	-0,01	-0,02	-0,02
Оказание помощи властям	0,08***	0,07**	0,07**	0,05**	0,06*	0,04	0,04	0,03
Финансовая поддержка	-0,04	-0,00	0,02	-0,08**	0,00	0,06**	0,01	0,05
Организационная поддержка	-0,01	-0,01	0,01	0,03	0,05	0,03	0,05*	0,06*
Наличие импорта	0,07***	0,09***	0,08***	0,10***	-0,02	-0,03	-0,02	0,02
Тип населенного пункта								
1) Москва	0,05	0,06	0,06	0,06	0,25***	0,25***	0,28***	0,31***
2) Областной/краевой центр	0,08***	0,08***	0,08***	0,05**	0,16***	0,15***	0,18***	0,17***
3) Другое	Выделенная категория							
Остальные контроли	Отрасль промышленности, размер (логарифм средней численности работников), период создания предприятия, принадлежность предприятия к бизнес-группе, пол, возраст и должность респондента							
Количество наблюдений	1,065	1,065	1,065	1,065	795	795	795	795

Значимость участия бизнес-ассоциаций для малых предприятий сохранилась, однако получение фирмами прямой финансовой или организационной поддержки осталось по-прежнему незначимым фактором (единственный значимый эффект можно наблюдать для средних и крупных фирм по отношению

Госзакупки в условиях турбулентности:
какие промышленные предприятия получали госзаказы в 2019–2022 гг.?

к финансовой помощи в 2020 г., организационной помощи в 2021–2022 гг., а для малых фирм – финансовой помощи в 2022 г.). Аналогичным образом сохранились эффекты в зависимости от местоположения фирм в региональных/областных центрах/Москве.

Заключение

В данной работе на основе обследования предприятий обрабатывающей промышленности, проведенного ИАПР НИУ ВШЭ в 2022 г., мы проанализировали не только актуальные масштабы участия предприятий в поставках по госзаказам в 2019–2022 гг., но и то, какие факторы повлияли на вероятность получения предприятиями госзаказов в этот сложный для бизнеса период.

По результатам исследования было выявлено, что в 2019–2022 гг. в обрабатывающей промышленности госзаказы имели около 30% средних и крупных фирм, 26–27% малых фирм в 2019–2021 гг. и 24% малых фирм в 2022 г. Проведенный в работе эмпирический анализ показал, что государственные заказы в 2019–2022 гг. чаще получали малые предприятия – участники бизнес-ассоциаций. Вместе с тем, в отличие от малых фирм, фактор участия в бизнес-ассоциациях не предоставлял средним и крупным фирмам дополнительных преимуществ в получении госконтрактов.

Результаты опроса также показали, что средние и крупные предприятия с участием государства в собственности на протяжении всего анализируемого периода чаще получали государственные заказы, тогда как малые предприятия только в 2019–2020 гг., после чего фактор госучастия перестал быть значимым.

Наличие иностранной собственности оказалось значимым фактором, негативно коррелирующим с получением госзаказов только для средних и крупных предприятий. При этом как малые, так и средние и крупные предприятия, оказывающие помощь региональным и местным властям в социальном развитии региона, чаще получали и государственные контракты. Однако получение фирмами прямой финансовой или организационной поддержки не дает дополнительных преимуществ в доступе к госконтрактам.

Результаты опроса промышленных предприятий показали определенную тенденцию к увеличению доли малых фирм, получающих госконтракты в российской промышленности. Так, по данным ранее проведенного исследования в 2016–2017 гг., в обрабатывающей промышленности госзаказы получали только 22% малых фирм, несмотря на декларированную государством политику поддержки малого предпринимательства [Родионова, Яковлев, 2021]. В период пандемии и последующих внешних шоков многие госзаказчики, которые ранее предпочитали зарубежных поставщиков, переориентировались на отечественный малый и средний бизнес для минимизации рисков срыва поставок. Соответственно, в настоящее время могут возникать новые стимулы вовлечения в систему госзакупок российских малых и средних предприятий, которые окажутся не менее, а, возможно, и более действенными,

чем директивное давление «сверху». Учет этих стимулов на микроуровне является важным элементом государственной политики госзакупок.

Анализ масштабов участия предприятий в поставках по госзаказам в 2019–2022 гг., а также влияния различных каналов связи с государством на получение предприятиями госзаказов, актуален для формирования и реализации экономической политики в сфере госзакупок в условиях постоянно расширяющегося круга экономических санкций. Полученные выводы могут быть использованы органами власти разных уровней, предпринимательскими объединениями и экспертами, занимающимися анализом экономической политики, при анализе решений предприятий об участии в госзакупках и, в целом, динамики участия предприятий в поставках по государственным заказам.

Литература/ References

- Ответ российского бизнеса на пандемию COVID-19 / Науч. ред.: Долгопятова Т.Г., Акиндинова Н.В., Симачев Ю.В., Яковлев А.А. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2021. 446 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2568-5>
- Russian business response to the COVID-19 pandemic. (2021) / Ed.: Dolgopyatova, T., Akindinova, N., Simachev, Y., Yakovlev, A. Moscow, HSE University Publishing House. 446 p. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2568-5>
- Родионова Ю.Д., Яковлев А.А. Как изменился доступ к госзаказам для промышленных предприятий после кризиса 2014–2015 годов? // Журнал институциональных исследований). 2021. Т. 13. № 1. С. 95–114. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.1.095-114>
- Rodionova, Yu., Yakovlev, A. (2021). Which manufacturing enterprises have received advantages in access to government orders after the crisis of 2014–2015? *Journal of Institutional Studies*. Vol. 13, No. 1. Pp. 95–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.1.095-114>
- Яковлев А.А., Говорун А.В. Бизнес-ассоциации как инструмент взаимодействия между правительством и предпринимателями: результаты эмпирического анализа // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 9. С. 98–127.
- Yakovlev, A., Govorun, A. (2011). Business associations as a business-government liaison: An empirical analysis. *Journal of the New Economic Association*. No. 9. Pp. 98–127. (In Russ.).
- Baltrunaite, A. (2020). Political contributions and public procurement: evidence from Lithuania. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 18, No. 2. Pp. 541–582. <https://doi.org/10.1093/jeea/jvz016>
- Cingano, F., Pinotti, P. (2013). Politicians at work: The private returns and social costs of political connections. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 11, No. 2. Pp. 433–465. <https://doi.org/10.1111/jeea.12001>
- Duvanova, D. (2013). *Building business in post-communist Russia, Eastern Europe, and Eurasia: Collective goods, selective incentives, and predatory states*. Cambridge University Press. 267 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139343237>
- Frye, T. (2002). Capture or exchange? Business lobbying in Russia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 54, No. 7. Pp. 1017–1036. <https://doi.org/10.1080/0966813022000017113>

Госзакупки в условиях турбулентности:
какие промышленные предприятия получали госзаказы в 2019–2022 гг.?

- Frye, T., Shleifer, A. (1997). The helping hand and the grabbing hand. *American Economic Review*. Vol. 14, No. 4. Pp. 354–358.
- Fu, J., Shimamoto, D., Todo, Y. (2017). Can firms with political connections borrow more than those without? Evidence from firm-level data for Indonesia. *Journal of Asian Economics*. Vol. 52, Pp. 45–55. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2017.08.003>
- Gnip, A.G. (2022). All you need is political love? Assessing the effects of partisan favouritism in Croatia's public procurement. *European Journal of Political Economy*. Vol. 75, Pp. 102–170. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2021.102170>
- Juurikkala, T., Lazareva, O. (2006). Lobbying at the local level: Social assets in Russian firms. *Bank of Finland Institute for Economies in Transition Working Paper*, No. 1. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.896908>
- Mironov, M., Zhuravskaya, E. (2016). Corruption in procurement and the political cycle in tunneling: Evidence from financial transactions data. *American Economic Journal: Economic Policy*. Vol. 8, No. 2. Pp. 287–321. <https://doi.org/10.1257/pol.20140188>
- Slinko, I., Yakovlev, E., Zhuravskaya, E. (2005). Laws for Sale: Evidence from Russia. *American Law and Economics Review*. Vol. 7. Issue 1. Spring. Pp. 284–318. DOI: <https://doi.org/10.1093/aler/ahi010>
- Solanko, L. (2006). Coping with missing public infrastructure: An analysis of Russian industrial enterprises. *BOFIT Discussion Paper*. No. 2. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1002603>
- Szakonyi, D. (2018). Businesspeople in elected office: Identifying private benefits from firm-level returns. *American Political Science Review*. Vol. 112, No. 2. Pp. 322–338. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000600>
- Titl, V., Geys, B. (2019). Political donations and the allocation of public procurement contracts. *European Economic Review*. Vol. 111, Pp. 443–458. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2018.11.004>
- Yakovlev, A., Ivanov, D. (2021). Friendly bureaucrats, formal rules and firms' investment decisions: evidence from a survey experiment in Russia. *International Journal of Emerging Markets*. Vol. 16, No. 2. Pp. 347–369. <https://doi.org/10.1108/IJOEM-08-2019-0667>

Статья поступила 18.07.2024

Статья принята к публикации 29.07.2024

Для цитирования: Родионова Ю.Д., Яковлев А.А., Балаева О.Н. Госзакупки в условиях турбулентности: какие промышленные предприятия получали госзаказы в 2019–2022 гг.? // ЭКО. 2025. № 2. С. 128–140. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-2-128-140

Информация об авторах

Родионова Юлия Дмитриевна (Москва) – кандидат экономических наук.
Институт анализа предприятий и рынков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: yrodionova@hse.ru; ORCID: 0000-0001-9837-4753

Яковлев Андрей Александрович (Москва) – кандидат экономических наук.

Центр Дэвиса, Гарвардский университет.

E-mail: andrei.yakovlev1966@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2273-0971

Балаева Ольга Николаевна (Москва) – кандидат экономических наук, доцент. Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

E-mail: obalaeva@hse.ru; ORCID: 0000–0001–9065–1373

Summary

Yu.D. Rodionova, A.A. Yakovlev, O.N. Balaeva

Public Procurement in Turbulent Times: Which Industrial Enterprises Received Public Procurement Contracts in 2019–2022?

Abstract. This paper analyzes how the participation of enterprises in public procurement under 44-FZ and 223-FZ changed in the context of the shocks of 2019-2022. The results of a survey of industrial enterprises conducted by the HSE Institute for Industrial and Market Studies in 2022 showed that in 2019-2022, about 30% of medium and large firms in the manufacturing industry had public procurement contracts, 26-27% of small firms in 2019-2021, and 24% of small firms in 2022. The empirical analysis showed that the established channels of communication between the state and business retained their influence on firms' access to public procurement contracts, except for the factor of receiving financial or organizational support from the government. At the same time, for small enterprises, the main of these channels were the business associations, for medium and large enterprises – the state participation in ownership and the proximity to Moscow.

Keywords: *public procurement; manufacturing industry; international sanctions; small business*

For citation: Rodionova, Yu.D., Yakovlev, A.A., Balaeva, O.N. (2025). Public Procurement in Turbulent Times: Which Industrial Enterprises Received Public Procurement Contracts in 2019–2022? *ECO*. No. 2. Pp. 128–140. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–2–128–140

Information about the authors

Rodionova, Yuliya Dmitrievna (Moscow) – Candidate of Economic Sciences.

Institute for Industrial and Market Studies, HSE University.

E-mail: yrodionova@hse.ru; ORCID: 0000–0001–9837–4753

Yakovlev, Andrei Alexandrovich (Moscow) – Candidate of Economic Sciences. Center Associate, Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University, Cambridge, USA.

E-mail: andrei.yakovlev1966@gmail.com; ORCID:0000–0003–2273–0971

Balaeva, Olga Nikolaevna (Moscow) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor. Graduate School of Business, HSE University.

E-mail: obalaeva@hse.ru; ORCID:0000–0001–9065–1373